

Кокотов С. А., декан факультета права и обществознания Российского государственного университета туризма и сервиса, кандидат исторических наук, доцент

РАСКОЛ БРИТАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ И ЗАРОЖДЕНИЕ КАНАДСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Статья посвящена особенностям становления Канады как суверенного государства. Признавая, что возникновение канадского государства не являлось результатом самоопределения канадской нации, автор анализирует сложный комплекс исторических факторов, включая раскол «британо-американской» колониальной империи, образование США и эволюцию британского колониализма, который, в итоге, и привел к появлению королевства Канада.

Ключевые слова: Британская империя, Британская Северная Америка, доминион Канада.

Канада как суверенное государство молодо даже в сравнении с США, а ее правовая система до сих пор несет на себе некоторые следы колониального прошлого. Появлению в 1867 году в составе Британской колониальной империи федерации в статусе доминиона, известной теперь как королевство Канада (Realm Of Canada), самым непосредственным образом способствовал раскол указанной империи на Британскую Северную Америку, с одной стороны, и Соединенные Штаты Америки — с другой.

В свою очередь, раскол империи исторически был связан с итогами длительной, более чем вековой истории борьбы Великобритании и Франции за гегемонию на этом континенте. Именно это противостояние являлось «стержнем» всей ранней колониальной истории Северной Америки. Начавшаяся во второй половине XVII века серия из четырех колониальных войн стала не только противостоянием двух великих европейских держав. Даже в те моменты, когда эти страны на время приостанавливали боевые действия, война французских и английских колонистов в Северной Америке все равно продолжалась. Это был вековой конфликт, имевший важные последствия и во многом определивший историческую судьбу Канады и её правовой системы. Вплоть до 60-х гг. XVIII в. вся территория будущих английских колоний, составивших затем Канаду, представляла собой то, что в американской историографии принято называть «фронтиром» — пограничной зоной войны «всех против всех». В конечном счете, этот конфликт породил устойчивое недоверие между колонистами Новой Англии и Новой Франции, которое и сегодня можно проследить на примере Квебека.

Завершилось противостояние Великобритании и Франции тем, что сначала, в 1713 году, Франция уступила Акадию (переименованную в Новую Шотландию), причем большая часть французского населения была депортирована, а в 1763 году уступила и Новую Францию (Луизиана отошла к Испании, а затем была выкуплена США).

Переход французских владений под британскую юрисдикцию совпал с повсеместным утверждением здесь английского общего права. Его относительно единообразное применение с середины XVIII в. позволяет сегодня многим американским исследователям делать весьма важный для нас вывод о формировании во всех североамериканских владениях британской Короны единого правового пространства¹. Действительно, за отдельными исключениями (например, в вопросах получения титула на землю) житель любой английской колонии мог подать иск там, где мог найти защиту, и решение данного суда сохраняло свою силу повсеместно.

В еще большей степени сохранению единого правового пространства способствовали прерогативные права британской Короны. Они реализовывались общим правовым инструментарием в сфере управления (приказы короля в совете, хартии, инструкции губернаторам и т. д.), в сфере законодательства (нередко совместно с английским парламентом, выступавшим здесь как имперский орган), а также в сфере судебной власти (Судебный Комитет Тайного совета Великобритании являлся высшей апелляционной инстанцией для всех колоний).

Таким образом, можно говорить о том, что ни экономические, ни социально-политические, ни этноконфессиональные факторы во второй половине XVIII в. не обеспечивали единства всех британских владений в Северной Америке. Системообразующим фактором выступало лишь единство имперских органов власти и управления, а также сходство зарождающихся здесь правовых систем отдельных колоний. Тем не менее, этого было достаточно для постепенного формирования целостного обширного территориально-правового образования, именуемого иногда «британо-американской империей», наиболее развитым ядром которого являлась Новая Англия, а периферией — Новая Шотландия и Канада² (как стали называть бывшую Новую Францию). При этом новые британские владения (будущая Канада) практически полностью зависели в своем развитии от «старых» колоний атлантического побережья — отсюда шли «волны» переселенцев, отсюда заимствовались модель управления, законодательство, уклад жизни, обычаи и т. д. На использование опыта их правового строительства нацеливал новых губернаторов и официальный Лондон. Иными словами, сама историческая логика становления всей совокупности британских владений в Северной Америке с очевидностью указывала, что формирование правовых систем новых колоний должно было идти именно под воздействием мощного импульса со стороны более развитых колоний. Тем более что все они располагались в сходных природно-географических условиях — ведь и сегодня между США и Канадой не существует никаких ландшафтных природных барьеров — территория одной страны есть естественное продолжение всех основных географических зон другой.

Сказанное выше позволяет, на наш взгляд, вполне обосновано предположить, что если бы не конфликт определенных социальных групп «старых» атлантических колоний с метрополией и очевидные политические промахи последней, вызвавшие войну за независимость, единство правового пространства на территории Северной Америки было бы сохранено. А значит, со временем это могло бы привести к образованию единого государственного образования (вероятнее всего — в форме федерации), охватывавшего и территорию Канады, и территорию США.

События, однако, пошли по другому сценарию. В силу сложившейся весьма своеобразной комбинации политических, социальных, экономических, этнических и религиозных интересов и факторов вновь приобретенные у Франции окраинные колонии не поддержали в ходе начавшейся войны за независимость идею выхода из состава империи и откололись от «старых» колоний, составивших затем ядро Соединенных Штатов.

С правовой точки зрения раскол этот был оформлен еще в 1774 году, когда имперский парламент принял Квебекский акт, резко расширивший территорию будущей Канады и вызвавший крайне негативную реакцию колонистов Новой Англии. В свою очередь, для колоний, составивших затем Британскую Северную Америку, он имел принципиальное значение потому, что с этого момента всё их последующее конституционное развитие могло идти только в рамках законотворческой деятельности имперского парламента, акты которого, согласно доктрине английского права, обрели верховенство над прерогативными правами монарха.

Принципиальное значение имело и то обстоятельство, что британские власти, стремясь не допустить распространения революционных настроений, пошли на восстановление в Канаде французского гражданского права, подтвердив заодно гарантии прав католической церкви и сеньоров Новой Франции. С этого времени проблема франкоговорящей провинции Квебек стала не только политической, но и правовой.

Знакомство с архивными материалами, хранящимися в Национальном архиве Канады, позволяет утверждать, что и в колониях Британской Северной Америки, и в метрополии немногие всерьез верили, что канадские территории, оставшиеся верными британской Короне, смогут в перспективе устоять перед территориальной экспансией США. Такие настроения царили не только среди простых жителей, но даже среди политиков. Лондон, как представляется, был внутренне готов к такому повороту событий, тем более что сами США не раз словом и делом демонстрировали готовность закрыть этот вопрос навсегда. Характерным в этой связи является высказывание Бенджамена Дизраэли, заметившего в одном из своих писем: «Эти чертовы колонии. через пару лет все обретут независимость, а сегодня это мельничные жернова на нашей шее» .

Предсказывавшаяся многими современниками логика последующего развития событий, однако, была в очередной раз нарушена, и решающими факторами оказались настроения французской части населения Канады, а также позиция английских переселенцев, покинувших США после войны и назвавших себя сторонниками единой империи (**United Empire**), в отличие от сторонников Соединенных Штатов (**United States**).

Составленная из «лоялистов» политическая и экономическая элита Британской Северной Америки, несмотря на наличие внутренних противоречий, сумела проявить волю, решимость, немалые организаторские и политические способности, сыграв на конфронтации Великобритании и США. Опираясь на правовой инструментарий, привнесенный общим правом, а также созданные английскими переселенцами государственно-правовые институты, она смогла отстоять целостность своих территорий. Немаловажную роль сыграла и изменившаяся позиция самой метрополии — при всех политических и иных субъективных составляющих стремившейся теперь оставаться в правовом поле и требовавшей того же от своих представителей в лице губернаторов колоний Британской Северной Америки⁴.

Новая колониальная политика стала не единственным отражением тех либерально-демократических перемен, которые наметились в самой Великобритании. Наряду с повсеместным введением в Британской Северной Америке системы «ответственных правительств» изменился и правовой механизм взаимодействия метрополии и колоний. Это нашло свое отражение в принятии Акта о действительности колониальных законов (**Colonial Laws Validity Act, 1865**), который в самой Великобритании был назван «хартией законодательной независимости колоний»⁵.

Все это не могло не повлиять на процесс становления правовых систем в колониях Британской Северной Америки, однако можно со всей ответственностью утверждать, что последовавшее вскоре создание на их основе доминиона Канада (ныне — королевство Канада) не было следствием воздействия факторов, которые принято традиционно считать государствообразующими. У доминиона отсутствовали: единая территория, естественно-географические границы, общность социальной и культурной жизни населения, языковая общность, общее историческое прошлое, общая (пусть элементарная) экономическая инфраструктура. Иными словами, объективных по своей природе культурно-исторических социально-экономических и даже природно-географических предпосылок для создания независимого канадского государства не существовало.

Можно, таким образом, сделать первый и наиболее важный для понимания последующего процесса развития канадской правовой системы Канады вывод о том, что канадская государственность формировалась отнюдь не в русле традиционной для Европы парадигмы «от нации к государству», поскольку доминион Канада изначально представлял собой впечатляющий пример преобладания субъективных предпосылок образования государства над объективными. Правильнее говорить об обратном — созданный и постепенно обретавший независимость доминион Канада способствовал такому же постепенному формированию канадской нации, причем многие полагают, что этот процесс ещё далек от завершения. Данный вывод вполне перекликается с позицией современных англо-американских исследователей. Так, по мнению американского профессора истории Карла Витке, «федерация в момент своего образования не являлась результатом требований большинства канадского населения. Это был плод усилий незначительного меньшинства политических лидеров»⁶. Согласны с этим и канадские исследователи, считающие, что в 1867 г. не было канадцев — была лишь надежда, что они появятся как продукт национально-государственного строительства⁷.

По сути, территория доминиона Канада представляла собой лишь некое формально-правовое пространство, идентичное во многом тому, которое в середине XVIII века сложилось на территории всех британских колоний того времени, и которое было разрушено в самом начале войны за независимость.

Косвенным подтверждением вывода о своего рода «искусственном» происхождении канадского государства может служить и весьма прохладная реакция официального Лондона на факт образования в составе империи единой канадской федерации. Тот же Дизраэли считал Канаду не больше не меньше, как «дипломатическим недоразумением»,⁸ а известный исследователь Голдуин Смит в конце XIX в. назвал создание доминиона Канада попыткой проигнорировать географию, подчеркнув, что рано или поздно законы природы возобладают над волей людей⁹.

Второй наш вывод заключается в том, что создание в рамках британской империи североамериканской федерации колоний стало ключевым моментом в формировании правовой системы Канады, поскольку ее последующее развитие шло в рамках трехуровневой модели, состоявшей из британской империи в целом, самого доминиона как федеративного образования и отдельных провинций (бывших колоний) как субъектов канадской федерации. Только с учетом этого обстоятельства можно в полной мере понять, какие социально-экономические, общественно-политические и формально-юридические факторы определяли процесс становления канадской государственности и какую роль при этом играли основные ее элементы (источники права, государственные властные институты, судебные органы). В частности, это касается исследования особенностей и этапов эволюции Канады от федерации колоний к суверенному государству при сохранении формального верховенства британской Короны и столь же плавного превращения формально сохраняющейся парламентской монархии в фактическую либерально-демократическую республику.

¹ Nelson W.E. The American Revolution and the Emergence of Modern Doctrines of Federalism and Conflict of Law. In: Law in Colonial Massachusetts. — Boston, 1989. — P. 247.

² Wittke C. A History of Canada. — N.-Y., 1942.

³ Trevelyan G.M. British History in the XIX century and after. (1782-1919). — London, 1933.

⁴ Statutes, Treaties and Documents of the Canadian Constitution, 1713-1929. Ed. By W.P.M. Kennedy. — London, 1930. (Переписка губернатора Лоуренса с Лондоном по вопросу создания в Новой Шотландии законодательной ассамблеи).

⁵ Dicey A. Introduction to the study of the Law of the Constitution. — London, 1907.

⁶ Wittke C. Op. cit. — P. 180.

⁷ Constitutionalism, Citizenship and Society in Canada. — Toronto, 1985. P. 15.

⁸ The Oxford History of England. Ed. by E. Woodward. V. 13 — The Age of Reform. 1815-1870. — Oxford, 1939. — P. 351.

⁹ Great Britain and the Dominions. — Chicago, 1926. — P. 137.

ТҮЙІН

Мақала Канаданың егеменді мемлекет сияқты қалыптасу ерекшелігіне арналған. Мойындауда, Канадалық мемлекеттің пайда болуы канадалық ұлттың өзін өзі билеу нәтижесі болып табылмайды, автор тарихи фактордың күрделі кешенін саралайды, «британ-американдық» отарлық империясының ыдыраушылығын қосуда, АҚШ-тың білімі және британдық отаршылдықтың эволюциясы, сайып келгенде және Канада корольдігінің пайда болуына әкелді.

RESUME

Articles devoted to the peculiarities of formation of Canada as a sovereign state. Recognizing that the emergence of the Canadian state was not the result of self-determination of the Canadian nation, the author analyzes the complex set of historical factors, including the split of "Anglo-American" colonial empire, the formation and evolution of the United States of British colonialism, which eventually led to the emergence of the Kingdom of Canada.